

ПЕРЕНАСТРОЙКА И ВЛАСТНОСТЬ

КАКУЮ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИКИ ВЫБЕРЕТ РОССИЯ В РАЗГАР САНКЦИОННОЙ ВОЙНЫ

ПЕТР РУШАЙЛО

ФОТО: АЛЕКСАНДРА КАЗАКОВА

ИМПОРТНЫЙ КРИЗИС

Резкий обвал фондового рынка в начале российской военной операции на Украине, а затем — и валютного, когда после решения западных стран о заморозке резервов ЦБ России доллар за неделю подорожал к рублю в полтора раза — с 80 до 120 руб., потребовал от российских финансовых властей беспрецедентных административных мер.

Биржевые торги акциями были закрыты 24 февраля и возобновлены только через месяц. 9 марта был введен Центробанком шестимесячный мораторий на продажу наличной валюты населению и лимит в \$10 тыс. на снятие валюты со счетов. Также были введены ограничения на сумму перевода средств за рубеж другим людям, включая родственников (не более \$5 тыс. в месяц), и запрещены переводы на собственные зарубежные счета. В условиях заморозки валютных резервов ЦБ в долларах и евро, а также вводимых запретов на поставку наличных банкнот из США и Европы, ажиотажный спрос россиян на наличную валюту вполне мог привести к абсолютно неконтролируемому обвалу курса рубля.

Одновременно Банк России более чем вдвое, до 20% годовых, поднял ключевую ставку с целью повысить стоимость денег и, соответственно, привлекательность рублевых депозитов. Банки довольно оперативно подтянули ставки по вкладам примерно к этому же уровню. Причины для опасений были: за февраль вкладчики забрали из банков 1,2 трлн руб., или 3,5% всех сбережений; основной отток пришелся на последнюю неделю месяца. Судя по докладу ЦБ, мера помогла: «повышение 28 февраля ключевой ставки до 20% и последовавший рост ставок по депозитам позволили восстановить приток средств на срочные рублевые банковские депозиты и стабилизировали спрос населения на наличность».

Остальные меры Центрального банка были довольно традиционными и в целом опробованными — например, во время коронакризиса 2020 года, а также кризисов 2008 и 2014 годов. Прежде всего это поддержка финансового сектора — предоставление банкам ликвидности (на пике в начале марта задолженность перед ЦБ по операциям рефинансирования достигала 10 трлн руб., однако затем банки погасили большой объем привлеченных средств), а также роспуск резервов и ряд регуляторных послаблений, таких как фиксация

валютных курсов и котировок ценных бумаг для расчета нормативов.

Схожим образом отреагировало и правительство. 1 марта был создан федеральный штаб по противодействию санкциям, который возглавил премьер Михаил Мишустин. Оперативно был разработан и принят ряд законов и нормативных актов, направленных на поддержку бизнеса, включающих поддержку системообразующих предприятий, налоговые послабления и льготное кредитование предприятий малого и среднего бизнеса, кредитные каникулы для граждан и предприятий. Нечто похожее мы уже видели два года назад — в комплексе мер по противодействию коронакризису.

Вместе с тем нынешний кризис характерен не только санкциями, хотя они, конечно, несут беспрецедентный характер. Одна из главных проблем для отечественного бизнеса заключается в том, что многие западные поставщики приостановили сотрудничество и прекратили отгрузку продукции и комплектующих, что привело к сбою логистических цепочек. Характерный пример — автопром. К примеру, руководство Татарстана сообщило, что КамАЗ может лишиться 40% объемов производства и отправить до 15 тыс. сотрудников в простой.

В малом и среднем бизнесе ситуация не легче. По данным исследования «Оценка бизнесом текущего положения компаний и влияния санкций», проведенного уполномоченным при президенте по защите прав предпринимателей совместно с Институтом экономики роста имени Столыпина, если на 18 февраля внешние ограничения отражались на деятельности 26% российских предпринимателей, то новые санкции затронули уже 84% субъектов малого и среднего бизнеса. «Воздействие санкций усиливается из-за высокой зависимости страны от импорта. Несмотря на то, что прямым импортом занимается меньшая часть компаний, импортную составляющую больше 10% имеет 73,2% компаний, 36,3% зависят от импорта больше чем на 50%, 36,9% имеют импортную составляющую в бизнесе от 10% до 50%», — отмечают авторы доклада.

Одновременно начался массовый исход иностранных компаний. По данным сайта spravni.ru, к 18 марта порядка 400 зарубежных компаний заявили о приостановке работы в России. Очевидно, что простой или закрытие российских предприятий, а также уход зарубежных означает сокращение количества рабочих мест. Очевидно, это уже социальная проблема. Но даже тех,

кто сохранит работу, затронет рост цен. Эксперты прогнозируют инфляцию по итогам года от 15–20% до 30–40%. «Конкретные цифры прогноза сейчас назвать весьма сложно. Инфляция в этом году и, скорее всего, в следующем году будет выше прежних оценок. ВВП в ближайшие кварталы снизится», — отмечала на брифинге в середине марта председатель ЦБ Эльвира Набиуллина. — Ключевая неопределенность — внешние условия торговли при возросшем санкционном давлении. Введенные ограничения коснулись значительной части экспорта и импорта. Помимо официальных санкций, серьезное влияние на ситуацию могут оказать и решения иностранных компаний приостановить работу на нашем рынке».

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

В ситуации, подобной нынешней, российская экономика, пожалуй, оказывается впервые в истории. Дефолт 1998 года, хотя и привел к серьезному спаду ВВП и падению доходов населения (в основном из-за девальвации рубля), все же не потребовал серьезной структурной трансформации. Подешевевший рубль позволил тогда активно наращивать импортозамещение, эффективно задействовав недозагруженные производственные мощности, оставшиеся еще с советских времен.

Принципиальные перемены происходили в 1992–1994 годах. Но тогда, после первого шока в связи с отказом от госрегулирования цен и закрытия де-факто целого ряда производств, начался медленный, но все же поступательный процесс создания действительно рыночных предприятий. К тому же постсоветская экономика худо-бедно поддерживала внутреннее потребление, не будучи столь зависима от импортных компонентов.

Сейчас ситуация принципиально иная. Российская экономика пока еще критически зависима от импорта. И речь не только об электронике (точнее, об элементной базе), но также о сельхозпроизводстве (семенной фонд), лекарствах, продукции машиностроения и многом другом. Сейчас всего этого нет и, скорее всего, в ближайшее время быстро не появится. Как бы ни развивалась ситуация вокруг санкций, бизнес легко и быстро уйдет из «токсичных» регионов в случае появления опасности, а возвращается медленно и с опаской.

Траектории развития экономики, пожалуй, можно попытаться разглядеть уже сейчас. Для сохранения промышленности, вероятно, что-то из импортных компонентов можно будет заменить импортом из других регионов мира, что-то — закупать через компании-«прокладки» в третьих странах (вспомните знаменитые белорусские морепродукты), что-то производить самим — это будет дороже, но все же будет. На организацию таких процессов нужно время.

Очевидно, что такой вариант развития предусматривает несколько иную модель экономики, нежели была до сих пор. Правительство пока не представило соответствующую концепцию экономического развития. Предлагаемые антикризисные меры пока предполагают тактические оперативные решения. О стратегических реформах, которые, очевидно, потребуются, пока нет речи. Пока правительство не представило

сколько-нибудь понятного конструктивного плана развития экономики, речь скорее о латании дыр. Но это, впрочем, логично: в ситуации полной неопределенности, пока не ясно, когда завершится военная операция и какие санкции в итоге останутся, строить четкие планы преждевременно. Как в любом кризисе, нужно сначала достичь дна и там уже искать точку опоры и направление движения.

Впрочем, некоторые элементы финансовой политики властей уже дают возможность представить общее направление движения — по крайней мере, в финансовом плане. На региональном и федеральном уровнях уже идет подготовка к корректировке бюджета. Речь о наращивании расходов, причем не только на поддержку населения и бизнеса, но и на инвестиционные проекты и развитие инфраструктуры — возможно, расчет на то, что именно такие проекты поддержат уровень занятости и смягчат негативный эффект для темпов экономического роста. Деньги на проекты наверняка возьмут из избыточных нефтегазовых доходов, которые раньше шли в Фонд национального благосостояния, валютная часть которого заморожена вместе с резервами ЦБ.

Но наиболее интересные события нас, возможно, ждут в сфере монетарной политики и денежного обращения. Эксперты обращают внимание на то, что заморозка резервов ЦБ и, очевидно, невозможность их формирования в резервных валютах в дальнейшем приведут к тому, что Россия выйдет из парадигмы так называемого «вашигтонского консенсуса», то есть ситуации, когда де-факто Банк России эмитировал рубли под приход иностранной валюты. Эмиссия рублей будет проходить под обеспечение золотым запасом ЦБ и обязательствами государства. Таким образом, денежная масса будет расти в соответствии с реальными требованиями экономики. Именно по такому принципу работают экономики развитых стран, отмечают экономисты.

Это должно предоставить возможность стимулировать экономический рост. Другой вопрос, что при этом будет с курсом рубля и иностранными инвестициями. На протяжении последних тридцати лет рубль сравнительно непродолжительное время отличался устойчивостью, притока же иностранного частного капитала в ближайшее время ждать не приходится — эту функцию, видимо, возьмет на себя государство. Недаром президент Владимир Путин дал поручение правительству и ЦБ разработать механизм продажи экспортных товаров за рубли; в качестве первого подопытного выбран экспорт газа. С технической точки зрения это означает стопроцентную продажу валютной выручки, но не только. Во-первых, это должно оградить от рисков получить внешние ограничения по использованию вырученных от экспорта сырья средств (по типу иранской программы «нефть в обмен на продовольствие»). Во-вторых, если реализовать эту продажу, скажем, через уполномоченный госбанк, государство может получить полный контроль над валютным рынком вплоть до введения множественных курсов по советскому образцу. Но это уже, конечно, сценарий экономического железного занавеса.

«Коммерсантъ Деньги»
№8, 31 марта 2022